

ніемъ и мимолетнымъ впечатлѣніемъ, рефлексіей и творчествомъ, въ союзѣ которыхъ Гёте видѣлъ идеалъ художника и на основаніи которыхъ возникъ „Фаустъ“.

Но личность не только агентъ притязательный и самобытный, она и явленіе сложное, отсюда—богатство въ современной литературѣ психическаго анализа, образцомъ котораго въ началѣ вѣка служилъ Шекспиръ; отсюда и богатое многообразіе произведеній искусства.

Преобладаніе нѣкоторыхъ искусствъ въ извѣстныя эпохи соотвѣтствуетъ состоянію въ нихъ человѣческой души. Какое изъ нихъ можетъ передать душевное состояніе лучше, чѣмъ музыка, по словамъ Т. А. Гофмана, „самое романтическое изъ искусствъ, потому что область его—безпредѣльность“? Музыка, область неопредѣленныхъ и безграничныхъ мечтаній, соотвѣтствуетъ по характеру своему той интенсивности духовной жизни, но и тѣмъ колебаніямъ ея въ современномъ обществѣ, которыя находятъ себѣ выраженіе и исходъ въ звукахъ. Зыбкимъ чередомъ передаютъ они смутную тоску, и страстный порывъ, и свѣтлую надежду. Ничто конкретное не можетъ воплотить ни глубокаго лиризма, ни стремительности и безпредѣльной шири, ни интимнѣйшихъ, тончайшихъ оттѣнковъ психической жизни, ни всѣхъ тревожныхъ движеній души, которыя коренятся въ постоянномъ колебаніи ищущей и неудовлетворенной мысли.

Невидимые духи, подъ пѣснь Аріеля, убаюкиваютъ утомленнаго мыслью и внутренней борьбой Фауста, и „смиряютъ страсть душевную“; они же будятъ дремлющія въ немъ силы и ободряютъ его направить ихъ къ дѣятельности...

Современная музыка, давая просторъ индивидуальности, служить могучей возбуждающей силой, и, отражая сложность и многосторонность времени, будить сумму духовныхъ способностей и дѣйствуетъ силой наведенія; но со свойственною ей зыбкостью ничего не исчерпываетъ, рѣдко заканчивается... Это не безмятежные звуки предшествующихъ вѣковъ: и здѣсь борьба и мятежъ, мысль и наука; отъ прозрачныхъ, какъ кристалль, римическихкихъ формъ музыка перешла къ драматизму и идейному объему. XIX-й вѣкъ отъ художниковъ требуетъ убѣжденій, а отъ звуковъ глубокомыслія. Среди разнорѣчивыхъ личныхъ теорій, новая музыка ищетъ примирительной, общей теоріи, коренящейся въ глубокомъ объединяющемъ пониманіи средствъ и цѣлей искусства. Это уже не прежняя вражда партій изъ-за формъ: коренное пониманіе мѣняется. Новая школа старается вложить въ звуки глубокое значеніе, согласно съ умственными требованіями вѣка; подчасъ раз-